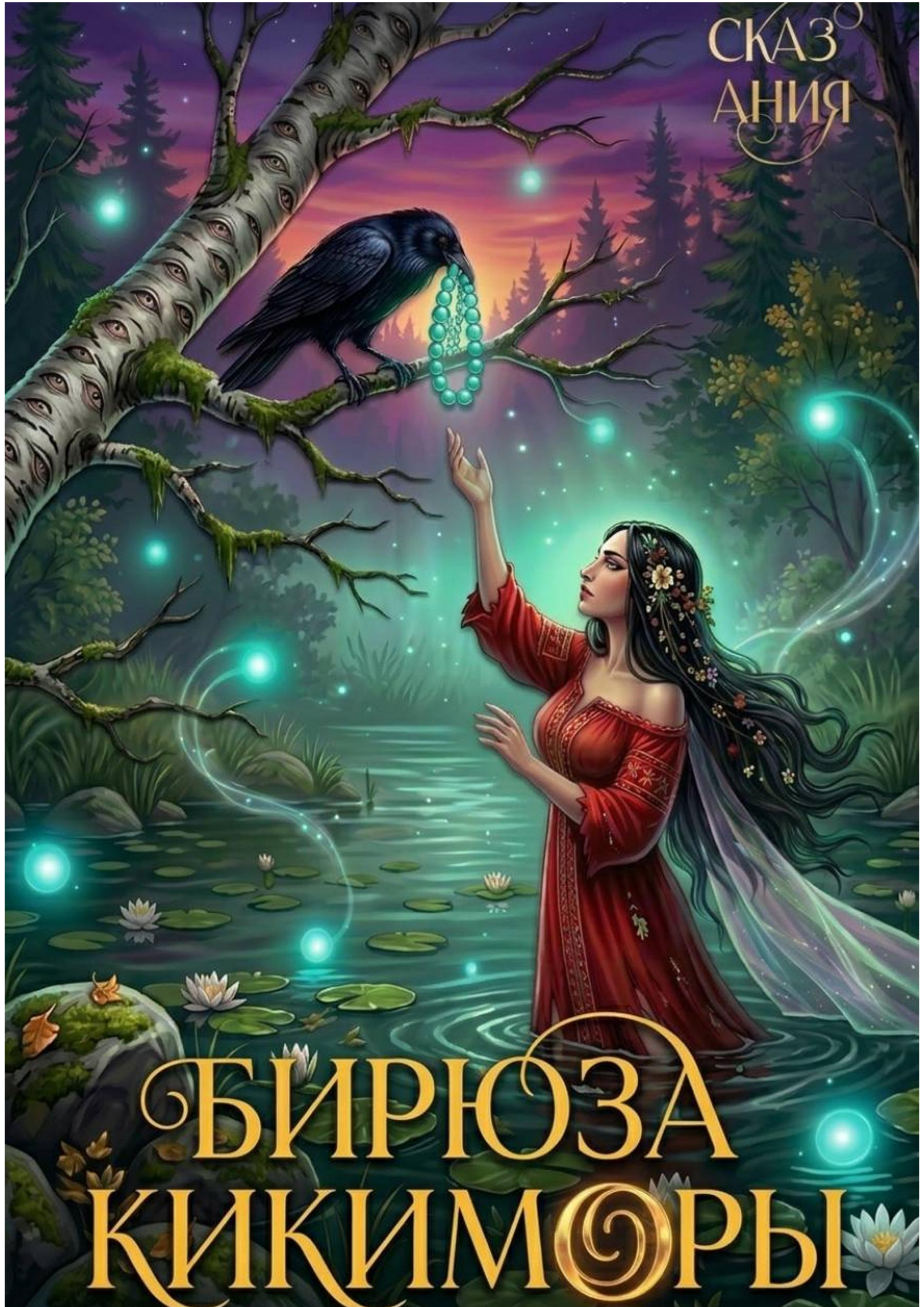

СКАЗ
АНИЯ

БИРЮЗА
КИКИМОРЫ

Выльские легенды

Сказ Ания

Бирюза кикиморы

«Автор»

2026

Ания С.

Бирюза кикиморы / С. Ания — «Автор», 2026 — (Выльские легенды)

В глухой выльской деревне, у трескучего костра, старый бобыль Озимыч рассказывает жуткую быль о любви и предательстве. Говорят, в купальскую ночь оживает нечисть, а лесные тропы заводят в гиблые места. Но эта история — страшнее любых сказок. В жизни красавицы Марьи всё пошло прахом: отец без спроса продал её судьбу богатому другу, обменяв юность дочери на толстый кошелёк. Единственной надеждой девушки был кузнец Макар, обещавший спасти свою любовь любой ценой. Он знал тайну клада цыганки, способного изменить их будущее, но в решающий момент пропал без вести, оставив невесту одну перед лицом неминуемой свадьбы с нелюбимым. Главный выльский балагур и сказочник Озимыч поведает: Почему рядом с деревней на купалу расцветают цветы, окропленные кровью невинных? Какую цену придётся заплатить героям, когда сама тьма предлагает сделку? И правда ли, что любая смерть — это только начало? Героев легенды и прочих выльцев мы ещё обязательно встретим в романе «По праву купальской ночи».

© Ания С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Без попа, да без каравая	5
Часть вторая. Заветный тусок	8
Часть третья. Цыганский клад	11
Часть четвёртая. Затонувший венец	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сказ Ания

Бирюза кикиморы

Часть первая. Без попа, да без каравая

Быль, рассказанная Вильским бобылём Озимычем, случившаяся во времена его красной юности.

— Ты только погляди, Архипушка, это ведь всё земля наша. — Тонкая девичья рука обвела простор полей, в вечерней тьме не отличимый от моря.

Нежные пальцы приласкали громадный лунный диск, желтевший на горизонте. — И чего здесь только нет! И грибы, и ягоды, и травы, цветы всякие.

Бабка Улита из них такие отвары стряпает — от любой хвори помогают. Ой, а деревенька-то наша, смотри, Архип, совсем игрушечная отсюда, в ладошке унести можно!

Девушка озорно прищурила один глаз, выставив вперёд ладони, сложенные ковшиком.

— Красоты сколько, огоньки в окошках словно бисер на платье. — Мечтательно пробормотала она.

— Ещё боле самоцветов в глазах моей горлицы. — Парень, сидящий у костра на пригорке рядом с юной прелестницей, коснулся рукой миловидного девичьего лица.

— Все звёздочки в них отражаются. — Пылко прошептал он почти в самые губы девушки.

Молодка смутилась, опустила голову, не позволяя бойкому юноше завершить ласку поцелуем.

— Я за тобой, Акулина, и в реку, и в поле. Огня в ночи у леса развести не побоялся. А надо будет — луну с солнцем местами переставлю. А ты вона как. Не люб я, значит, тебе. — Красивое скуластое лицо Архипа помрачнело.

— Я — сирота, ты — первый парень в селе, отец твой — староста, человек уважаемый. Ну какое у нас будущее? — поспешила оправдаться Акулина, нервно теребя подол сарафана.

Архип вновь осторожно поднял её лицо, прижался губами к пылающей щеке, нежно коснулся уголка губ. — Самое лучшее. Только не гони, душа моя.

От его хриплого шёпота руки Акулины покрылись гусиной кожей.

— Эге! Без попа да без каравая. Вы, я погляжу, так торопитесь, будто завтра уж Юрьев день.

Красная как рак девица, хрупкостью своей похожая на трепетную пташку, отскочила от парня и смущённо принялась теребить косы.

Архип провёл рукой по каштановым кудрям и пригляделся к ночному гостю, чьи черты в темноте искажал огонь. — Дед Озим? Ты что ли?

— Да вот припозднился из города, дай, думаю, на огонёк загляну: кости погрею, ноги отдохнут.

— Озимыч! Ты ж православный! Отдыхай на здоровье да не гневи Бога. Дай и молодым погулять. — Парень тряхнул густой каштановой чёлкой, доверительно глядя на старика. — Сам чтоль таким не был?

Озим задумчиво крякнул и полез в тряпичную котомку за табакеркой. — Помнится свою супружницу покойную я только на третью седмицу обლობызать решился. А на девятую в спаленку повёл. — Старик заправил в нос приличную щепоть табаку и звонко чихнул.

— И что толку? Всё одно бобылём остался. — Отмахнулся Архип, краем глаза наблюдая, как девушка пятится к тени ближайших деревьев, надеясь незаметно покинуть мужчин.

— Так что грейся и ступай старик своей дорогой.

Неприкрытое раздражение молодого человека ещё не оставившего попытки спасти испорченное свидание нисколько не смущало Озима. Во всяком случае торопиться он не собирался.

Отложил сучковатую палку, служившую ему вместо трости и для удобства обмотанную толстым слоем рогожи, нюхнул ещё табаку и закряхтел:

— А вот коли слушать охота, рассказал бы я тебе, вертун, что с теми бывает, кто торопится шибко.

Но стариковская мудрость уже не достигла ушей парня: широкие плечи Архипа, обтянутые вышитой рубахой, скрылись за еловыми ветвями вслед за девушкой.

Парень настиг расстроенную Акулину возле первых овражков, поросших густым зелёным папоротником. В темноте папоротник казался взъерошенными птицами, хищно расставившими крылья.

— Ты чего забоялась? Даже если Озимыч всему селу расскажет — я не отступлюсь!

Акулина зябко поёжилась, обнимая себя за плечи. Она была почти на две головы ниже статного молодца. — А ведь он прав, Архипушка. Чего это мы без благословения милуемся? Грех к не сватанной девице с поцелуями лезть.

Юноша скрипнул зубами, не желая мириться со словами девушки. Это было явно не тем, на что он рассчитывал.

— Да и у отца Фаисия на службе ты давно не был. Что люди скажут? — Меж тем продолжала вещать Акулина, неторопливо обходя белеющий берёзовый ствол.

— Твоя бабка тоже там не показывается — и что? Пока ещё камнями не закидали. — Ловко перевёл стрелки Архип.

— То правда. Улита говорит: в проповедях отца Фаисия разума мало, а человеколюбия и того меньше. А ещё говорит, что мне совсем другой молодец небом сужден!

— Это какой же? Рыжий что ли, который из соседней деревни повадился? Так я враз отучу! — Грозно пообещал Архип, до хруста сжав крепкие кулаки.

При упоминании знакомого парня девушка вновь смутилась:

— Мы всего-то несколько раз в горелки играли! А все уж его моим почётником окрестили. Но не о нём бабка Улита толкует! Брюнета мне прочит! А с тобой вообще общаться не велит!

Шутливо ткнув Архипа кулачком в грудь, девушка вдруг развернулась и со смехом побежала обратно к пригорку, ласкаемому алыми пульсирующими всполохами.

Сбитый с толку юноша припустил следом:

— Акулина! Ты куда?

— К деду Озиму! Уж больно любопытно послушать историю, что он тебе обещал. Сам знаешь: рассказчик он хоть куда — недаром к нему за баснями все выльцы ходят! — Девушка кивнула в сторону сторбленной фигуры, по-прежнему сидящей в одиночестве у костра.

Вопреки ожиданиям Архипа старик никуда не ушёл. Наоборот: вдобавок к табаку в его руках появилась мятая фляга, на дне которой что-то загадочно булькало.

Парочка пристроилась напротив. Архип подбросил в костёр пару толстых ивовых веток.

— Озимыч! А расскажи-ка то самое, что ты мне тут давеча толковал. Добродушно попросил Архип. — Акулине шибко послушать хочется!

Девушка утвердительно закивала, подобрав под себя ноги.

— Эге. Ну коль шибко хочется — чего же не обсказать? — хмыкнул старик.

Озим поёрзал на месте устраиваясь поудобнее и задумчиво почесал лысеющий затылок. Ветви в костре трещали, запуская в ночное небо снопы багряных тревожных искр.

— Знаете ли вы младость, отчего у нас на речке каждую купалу голубые цветы расцветают с красной крапинкой на листках?

— Ой! А я их видела! Бирюзовенькие такие, крошечные! — обрадовалась Акулина.

— То-то и оно. Расцветут, стало быть, и дорожкой в самую чашу уходят. А как стемнеет лучатся мертвенным светом и капельки алые на голубых ланитах переливаются. Люд говорит: то кровь на них невинная. — Старческий голос стал тише.

Звонкий треск горящего дерева заставил молодых людей вздрогнуть.

— Будет тебе Озимыч жути нагонять! — Архип пошурудил палкой в костре.

Озим молча глядел на него сквозь огонь. Морщинистые глаза горели не хуже углей. Наконец сухие губы зашевелились со свистом выпуская воздух:

— Верьте аль не верьте, а значить каким летом уж не упомнить, только годков мне было осмнадцать примерно, как вам вот сейчас, случилась у нас в селе история тёмная да смутная. Для всех молодых дев назидательная, а для парней поучительная.

Он погрозил кривым пальцем сначала Архипу, а затем и в сторону Акулины.

— Так о чём бишь я?

— История в твоей юности страшная случилась. — Напомнил Архип.

— Про цветочки! — поддакнула Акулина.

— Кхм... Ну так вот же! Не сбивайте меня! Жил в нашем селе простой мужик. За порядочность свою и находчивость выбранный выльским старостой. И была у него дочка Марьюшка такая что ни словом сказать ни пером описать: коса смоляна до колена фигура как лоза, на щеках заря притаилась на губах малина распустилась. А глаза сплошная бирюза. Ни один парень в них утонул с головою. Одним словом — первая девка на селе!

И почётник ей под стать сыскался: могуч как богатырь красив как день июльский. Была у него одна беда — жил он скромно ни роду ни племени своего не знал, у кузнеца в подмастерьях с малолетства ходил. Знамо дело — не годным женихом он Марьюшкину отцу показался. И вздумал тогда мужик дурное...

Часть вторая. Заветный туесок

— Марьюшка, дочка, где ты ходишь? Гости давно уж в избе дожидаются. — Недовольный голос отца обратился к девушке, легко переступившей порог избы. Под мышкой у красавицы притаилась целая корзина чистого влажного белья.

Кукольное личико озарилось приветливой улыбкой. — Дядя Степан, давнехонько не видались! Где на этот раз пропадали?

Уже не молодой мужчина с шапкой седеющих волос поднялся с лавки навстречу.

— Такое уж наше дело, купеческое. Дома некогда сидеть. В этот раз в Стамбуле торговали, смотри, что тебе выменял.

Изрытое глубокими складками лицо исказилось от напряжения: гость силился достать из узкого кармана шкатулку.

Высвободив наконец деревянный квадратик, мужчина протянул его Марье. Та откинула крышку и охнула от восхищения. Внутри, на бархатной подушке, покоились искусные бусы из нежнейшей бирюзы.

Девушка недоверчиво посмотрела на отца, тот лишь благосклонно кивнул.

Марье ещё никто не дарил таких дорогих подарков, к тому же просто так, без особого повода. Лучший друг отца знал девочку с пелёнок и, выбившись в люди, частенько баловал малышку сладостями и заморскими безделушками.

В порыве чувств Марья кинулась мужчине на шею. Подобное проявление благодарности работало безотказно и в шесть лет, и в десять, и даже в восемнадцать. Неизменно вызывая приступ веселья у дарителя.

Вот и сейчас тот счастливо рассмеялся, подтверждая девичьи мысли.

— Ну вы тут пока поговорите, а я скоро. — С этими словами отец Марьи поднялся и вышел из избы.

Ни разу на её памяти батюшка не оставлял дочку одну в мужской компании, пусть даже и хорошо знакомых людей. Но дядя Степан был для Марьи не просто свой человек, а почти родня, подвоха от которой точно ждать не следует.

— Примерь обнову. — Степан выудил бусы из шкатулки и споро застегнул тонкий замок на шее девушки. Диковинный камень приятно охлаждал кожу. Марья довольно зажмурилась, поглаживая гладкие бока бусин.

Размышляя о том, как вечером будет хвастаться подарком среди товаров, она принялась развешивать над печью влажное бельё.

Каково же было её изумление, когда на тонкой талии сомкнулись две тяжёлые мужские руки. Марья на миг замерла, пытаясь осознать происходящее, а затем громко рассмеялась, решив перевести абсурд в шутку:

— Дядя Степан, вы мне в следующий раз расшитый пояс привезите, широкий, с такими же камнями, как у вас на пальцах горят.

— Привезу, душа моя. И пояс, и платок расписной, и наряды заморские, живыми самоцветами украшенные, ты таких и не видывала. Только поди за меня замуж.

От последних слов Марья вздрогнула. Наволочка выпала из рук, ставших вдруг очень неловкими.

— Да что вы, дядя Степан? Вы же мне почитай, как отец родной! Не могу я, а что люди скажут? А батюшка?

— Пусть судачат. Ты давно уж мне любя, я всё думал, не знал, как подступиться. — Ладони с талии переместились выше, оглаживая и сминая льняную ткань платья. — Выходи, Марьюшка, озолочу тебя, страны дальние покажу.

Задрожав, Марья вырвалась, отгородившись завесой сохнувших простыней.

— А с батюшкой как объяснитесь? Он же другом вас величает! Грех это!

— Грех такой красе в этом болоте гибнуть. — Проворные мужские руки сорвали верёвку. Простыни белой птичьей стаей порхнули на пол. Степан вновь схватил Марью за плечи, прижал к себе.

— Погодите! — пискнула девица, пойманная в капкан. — Без отцовского благословения любезничать не стану!

— Выкаешь мне, будто чужие. Отец твой сам мне дочку в жёны отдаёт.

— Врёте! От услышанного юное сердце ухнуло вниз, больно ударившись о живот. В голове зашумел шквальный ветер. — Это вы всё врёте!

Затрепыхавшись как рыба в садке, Марья оттолкнула мужчину, в один миг предавшего их многолетнюю почти родственную дружбу, и выбежала на улицу в поисках отца.

Тот нашёлся в конюшне. Гнедая кобыла по имени Бунтарка стояла запряжённой в телегу. Пудовые копыта беспокойно рыли землю, ожидая команды трогать.

Отец Марьи, одетый в свой лучший пиджак и картуз, уже сидел на козлах, внимательно пересчитывая стопку мятых ассигнаций, скрученных трубочкой в берестяном туеске.

— Парчи локтей пять надобно, бархату тоже пять, а то и десять. Кружево ещё, ленты. — Он послунял пальцы, берясь за новую стопку.

Василий Федотович, человек ума неглупого, имел на селе славу личности строгой и практичной. Именно умение всегда вычленив пользу даже из самых непроходимых ситуаций послужило зарокотом того, что выльцы единогласно выбрали его старостой. И ни разу не пожалели о своём решении.

Выбить у волостного старшины бумагу на ремонт дороги, отсрочить сбор ежегодных повинностей — это всегда пожалуйста. А за выполнение пустячных личных просьб односельчан Василий Федотович неизменно получал весомую благодарность, которую раз за разом складывал в свой берёзовый туесок.

Жили они с дочкой вдвоём, мать девушки умерла родами. Не очень богато, но клад, спрятанный в туеске, всегда оставался неприкосновенным.

— Это тебе, Марьюшка, приданое выйдет, — пояснял дочке Василий Федотович. И сейчас, увидев тот самый заветный запас в руках отца, Марья с горечью поняла: дядя Степан не лукавил и ничего доброго её от разговора с родителем не ждёт.

— Что ты, Марьюшка, запыхалась так? Али гонится зверь за тобой? — староста усмехнулся в густую бороду.

— Да тут родня почище зверья будет. — Прошептала Марья, не сводя глаз с купюр в отцовских руках. — Бросаешь ты меня, батюшка.

Василий Федотович оторвался от своего занятия:

— Полно тебе чепуху молоть! Я всего-то в Веждин съезжу, обновок тебе привезу.

— Вот я и говорю, бросаешь. Единственную дочь за немилого замуж отдаёшь.

Мужчина, отсчитывавший ассигнации сбился. Выругался. Сердито глянул на Марью.

— Ну где же за немилого-то? Вы со Степаном всегда ладили. Не мешай! Иди вон делом займись. — Одной рукой он нетерпеливо указал на мешки с сеном, которые следовало высыпать в ясли для коз.

Марья не сдвинулась с места, разъядая отца тяжёлым взглядом, затуманенным от слёз.

— Дядя Степан мне всегда вроде отца был. Конфеты и кукол покупал. А ты хочешь, чтоб я с ним в одну кровать?!

— Ну кто?! Кто ещё-то?! Этот твой Макарка — щегол необстрелянный?! — Не выдержал Василий Федотович. — Что он дать-то может кроме цветочков да игрищ?! Который год уж в подмастерьях ходит, а мнит о себе! Расхаживает по селу словно барин!

— Любовь может дать. — Тихо сказала Марья, качая головой.

— Любовь! — передразнил дочку староста. — Много ли сытости от той любви? Степан человек надёжный, обеспеченный. Будешь с ним жить при полном столе, горя не знать!

— Чем хочешь казни меня, батюшка! Не могу я так! — Марья рухнула на истоптанное сено. Ноги отказывались держать.

— Слушать не желаю! Я слово дал нерушимое. Так что кончай дурить и садись подушки вышивать!

Грязные колёса проскрежетали перед лицом поникшей девушки.

Вильский староста уехал.

— Сгубил ты батюшка дочь свою. Ну погоди же. Будет тебе свадьба весёлая... — Тихо молвила Марья, глотая жгучие слёзы.

Часть третья. Цыганский клад

Перековывая коня для местного мельника, Макар размышлял о будущем.

Вот бы разбогатеть и сбежать из этого Медвежьего угла. Мир-то он ведь такой большой и разнобокий, не то, что их село. Заделаться бы хоть к барину каким мастером, аль к купцу. Уж Макар бы своего не упустил.

Он мечтал побывать в Петербурге и в Крыму. Увидеть настоящее море и попробовать воздушные пирожные — те самые, что так соблазнительно подмигивали с витрин веждинской кондитерской. Пицца небожителей, не иначе.

Только вот деньжатами он пока не разжился. И ничего, кроме смазливового лица и мускулов, не нажил. Да и то, девки тайком смеялись над его закопчёнными в кузнице ушами.

Правда, опрошлым летом ехала на ярмарку, мимо их деревни цыганка. Лошадь её захромала в поле, и пришлось Макару раскрючковать, да перековать животину.

Денег у старухи не было, но оценив мастерскую работу, цыганка рассказала ему секрет, который в их роду много веков из уст в уста передаётся. О кладе богатом, что предок её в сём лесу укрыл.

Самой ей уже не долго небо коптить, а детишек не нажила. Вот доброму кузнецу всё и достанется, коли сдюжит.

— Не хитра наука, яхонт мой, надобно только искать умеючи, да знать где совета спросить. — Смуглые губы затянулись трубкой. Черные глаза с хитрым прищуром оценивали юношу.

— Найти его повезёт только в купаловскую ночь, да и то не всем, а только храбрым и смекалистым молодцам. Ты ведь таков, я вижу.

Не страдая ложной скромностью, Макар тут же согласился с данным утверждением и наострил уши.

Увидев, как алчно блеснули золотом очи молодца, цыганка довольно покивала косматой головой, убранной в блестящий платок, и подробно обсказала кузнечному подмастерью, куда идти и что делать.

Но в ту ночь юноша крепко загулял и до обозначенного места уже не добрался. В этот же раз он твёрдо решил, что обязательно испытает судьбу.

— Макарушка, беда, сокол! — бледная Марья влетела в кузницу, распугивая бесцельно бродивших вокруг кур.

Воротившись от своих тяжких дум по поводу личного благосостояния, Макар участливо обратился к госте:

— Что стряслось, душенька? Ты чего это с лица спала? Стоишь ни жива ни мертва?

— Замуж меня выдают! Опоздали мы.

— За кого? — тяжелый молот промахнулся мимо цели, скомкано лязгнув.

— За дядьку Степана, друга отцовского.

Макар брезгливо поморщился.

— И что же, пойдёшь? Он ведь тебе в батьки годится.

— Нет конечно! Я к тебе другое просить пришла, идём к церкви, упадём в ноги священнику, пусть он нас сей же час обвенчает! Иначе не быть нам вместе.

Ледяные нервные пальцы сомкнулись на руке кузнеца, давя не хуже тисков, прерывая работу.

— Отец Елифан на это никогда не пойдёт. Уж больно строгий. Давай лучше в ночь убежим! Меня искать некому, а Василию Федотовичу весточку с Агафьей передадим — она ж подруга твоя, должна понять.

Макар отложил молот, осторожно высвободил ладонь, приобнял Марью за плечи и ободряюще погладил по спине.

Девушка немного присмирела, расслабилась. — Да куда же мы пойдём? На что жить станем?

— Об этом не беспокойся! Отправимся в город, а оттуда на перекладных в столицу. А там жизнь сама путь подскажет. Умелые руки всегда работу найдут, да и денег я достану.

Макар доверительно посмотрел Марье в глаза. — Коли веришь в любовь нашу, приходи как стемнеет к опушке, прямо к прогалине, буреломом помятой. Вещей не бери, на месте новыми разживёмся. Отцу скажи, что с девчатами купалу праздновать идёшь, чтобы не беспокоился.

Часть четвёртая. Затонувший венец

Весь день Марья ходила сама не своя. Дела у неё не спорились, за что ни возьмётся — всё не слава Богу.

Отец вернулся из города, полную телегу красивого узорочья да брашна привёз. Ничего не радовало Марью: ни тонкое кружево, ни дорогие ткани, ни пряники печатные.

В иные дни она бы козочкой весёлой вокруг батюшки скакала, тотчас новые платья шить уселась. Только вот повод сейчас не для радости, потому и иголка не слушается, колет белые пальцы, а стежок не кладёт. Обрядить хозяйку для постылого видно тоже не хочет.

Василий Федотович всё это видел, но от слова своего не отступился.

Ничего, — думает, — поживёт да полюбится. Потом ещё сама спасибо говорить будет.

Нанял он в помощь пару девок, велел подсобить платье справить, приданое вышить да начистить и в сундук собрать. А сам гостей созывать пошёл.

Была среди помощниц и Агафья — лучшая подруга Марьи. Увидела девушка, что Марья сидит бледная как покойница, подошла к ней и спрашивает ласково:

— Может, поделиться со мной чем хочешь? Я твою печаль-беду завсегда выслушать готова.

Задрожали губы у Марьи, и залилась она горячими слезами.

— Я сегодня, Агафьюшка, последний раз с вами гулять буду. Как костры запалят, так я уйду и не ищи меня боле. Мы с Макаром в город подадимся, обвенчаемся, а там уж как Господь распорядится.

Агафья охнула, закрыв ладонью рот, и бухнулась на колени перед Марьей.

— Да ты что, матушка! Куда же это вы без благословения да без денег?

— А ты сама попробуй за того пойти, кто тебя нянчил! — глаза Марьи грозно сверкнули. — То-то, что не сладко.

Губы Агафьи тоже задрожали, пальцы нервно смяли платье подруги. Марья опустила к самому её лицу:

— Слово мне дай нерушимое, что до срока ничего отцу не скажешь. А как третий день настанет, ты приди к нему и скажи, чтобы не волновался. Я его всегда любить буду и каждое воскресенье в церкви за здоровье свечку ставить.

Агафья разрыдалась так, будто подругу уже навсегда проводила.

А Марья поднялась и отправилась в девичью светёлку. Собрала в крошечный узелок всё, что у неё было дорогого: ленту шёлковую, колечко, серьги, иконку именную — и к отцу отправилась. Подарок Степана даже ради продажи брать не стала. Ей от него ничего не надобно.

Василий Федотович в амбаре ворочал мешки с мукой, прикидывая, сколько принести в избу, чтобы накормить пирогами целую толпу гостей. На свадьбе его дочери собиралось погулять не меньше половины деревни, да ещё волостной старшина с женой обещал пожаловать.

При виде хмурой дочери настроение у мужчины тоже испортилось. Всякий раз демонстрируя своё явное недовольство и нежелание данного союза, Марья заставляла отца чувствовать себя тираном и чудовищем, отдавшим собственное дитя на съедение змею.

И как не понимает, глупая? Я же ей блага хочу! Степан мужик хороший, не обидит. Будет в золоте купать да на руках носить. Но молодость слепа и упряма, а посему надо ей путь указать — пусть в начале и силой.

Василий Федотович развернулся к дочери и для солидности упёр руки в бока всем своим видом демонстрируя непоколебимость в вопросах предстоящей свадьбы.

— Ну? Чего явилась? Сундук собрала уже? — грозно прорычал он сходу перейдя в наступление.

Марья притворно вздохнула якобы смиряясь с текущим положением дел.

— Собрала, батюшка. Ты не думай, я не за скандалом. Просить отменить венчание не стану.

— А чего тогда ищешь? Задумала что? Смотри: в этом же амбаре и запру!

Марья робко улыбнулась:

— Нет в том нужды. Отпусти меня лучше, батюшка, напоследок с девчатами погулять. Холостую жизнь проводить. Купалу уважить.

Василий Федотович нахмурился, почесал кустистую бровь и махнул рукой:

— А иди! Не стану я тебе вольные деньки ломать. Только помни: с первыми петухами ты туточки, жениха встречать готовишься! — крепкий палец повелительно указал на траву возле его сапог.

Девушка послушно кивнула. Тело её всё ещё стояло перед отцом, а разум перенесся в вечернюю синь, туда, где пылают костры, да носится вокруг шальная молодёжь.

Им уготована другая судьба. Никто не заставит их стоять в церкви рядом с постылым супругом или супружницей. И завтра, и через неделю они будут так же резво плясать, счастливо встречать рассветы.

Но для Марьи всё решится сегодня.

Стоять неподвижной статуей было опасно: на непривычно тихую сосредоточенную Марью гуляющие и без того бросали подозрительные взгляды. Решив не оставлять повода для пересудов, девушка присела, пучками срывая яркие полевые цветы и наскоро вплетая их в венок.

— Грустишь красавица?

Над её головой очень не вовремя раздался голос Николы, слывшего самым озорным парнем в селе.

Красотой особой он не вышел, зато гонору было хоть отбавляй. — Гляжу вот, гадаю, отчего это Макарка твой к тебе не спешит? — парень сложил руки на груди вальяжно отставив ногу в сторону. Он с нескрываемым любопытством рассматривал Марью.

— Унесут пчёлы сладкий мёд покуда он там в кузнице руки о сажу марает! — Вдруг он притворно хлопнул себя по лбу. — Али запомятовал я, ты ж у нас боле птица не вольная. Поиграла с парнем да бросила как прошлогодний цвет. Отец тебе побогаче жениха сподобил.

— Коли не знаешь так и неча языком молоть! — Девушка хлестнула наглеца рассерженным взглядом. — Не твоя о том печаль.

Широкое веснушчатое лицо сально ослабилось:

— Значит правду девчата в кругу говорили. Макарку я уважаю обижать его негоже, а с женихом твоим с одного ковша мёд не пили, так что может погуляем от души напоследок, а красавица?

— Шёл бы ты отсель пока бока целы! Кузня тут недалече вот кликну громко, так Макар тебе враз спеси поубавит! — Марья поднялась, отряхивая подол от налипших листьев и твёрдой поступью зашагала к реке.

Вслед ей донёсся обиженный голос Николы:

— Было б из-за чего шум поднимать я ж развеселить тебя хотел!

На половине пути Марью перехватила раскрасневшаяся Агафья:

— Вот ты где! Думала уж опоздала ушла ты, не простившись!

Агафья взяла Марью под руку и девушки дружно пошагали к реке.

— Макара не видала? — чем ближе подбирался час свидания, тем тоньше становился голос Марьи. Неверные рваные движения выдавали крайнюю степень волнения девушки.

Агафья отрицательно качнула головой, украшенной густым венком из лютиков:

— Парни говорят, что давеча он с котомкой к лесу пошёл сказал по грибы, на вечер гляючи-то!

Агафья приснула и из груди Марьи тоже вырвался смешок. — Стало быть и мне пора! Он сердешный меня видать в лесу дожидается!

Девушка осторожно подобралась к кромке воды дрожащими руками опустила веночек. Тот, как назло, не желал отплывать толкаясь обратно к берегу.

— А может останешься? Всяко люди живут. Степан мужик добрый, может Макара к делу пристроит будете вместе.

Агафья тоже стянула с русой головы травянистое украшение, её венец тотчас отправился восвояси по намеченному пути.

— И что это за жизнь такая? На глазах законного мужа шашни крутить! Он ж не камень всяко почует. Нет Агафьюшка, решила я. Либо так, либо лучше смерть!

Подруга всхлипнула обняла девушку:

— Да вона и веночек тебе остаться велит, не хочет плыть, к берегу прибивается!

Понимая, что ещё немного и она сама струсит окончательно, Марья высвободилась, сердито зыркнула на травянисто-цветочный обруч:

— Хватит пугать да тоску наводить! Коли решила так, по-моему, будет!

Марья с силой толкнула веночек, тот покачнулся и окончательно затонул.

— Дурной знак Марьюшка! — Пуще прежнего запрочитала Агафья, — одумайся сердешная, покуда не поздно!

— Кончай говорю раньше времени аллилуйя петь! — Марья решительно выпрямилась. — Отцу передашь как условились?

Агафья согласно закивала, вытирая распухший нос рукавом.

— Ну ступай не рви душу и так тяжело да боязно. — Марья ещё раз, напоследок, крепко обняла подругу и прячась за высокими камышами перебежками засемила к лесу.

Платье цеплялось за репей, ноги отсырели начали подмерзать. Макара в условленном месте ещё не было, но Марья не сомневалась, что он скоро появится. В глуши леса ухнула сова, девушка вздрогнула поёжилась, но пост свой не покинула села на пень подобрала под себя гудящие стопы.

Марья не знала сколько просидела вот так без движения. Волнение буквально съедало её изнутри, хотелось немедленно начать что-то делать, но уйти было страшно вдруг они с Макаром разминутся.

А что ежели передумал он? Что если напрасно жду?

Вредный червячок сомнения потихоньку заползал в сердце, но Марья шустро прихлопнула его на корню, быстро и точно, так же как прихлопнула уже десятого комара, почувавшего сладкую юную кровь.

Нельзя любить того, кому веры нет.

Ночь уже перевалила за половину небо потихоньку бледнело, уступая место рассвету. От безысходности Марья поднялась обошла прогалину кругом прислушиваясь: не хрустнет ли ветка под сапогом, не замаячит ли среди ветвей знакомая широкоплечая фигура.

Вдали действительно кто-то спешил к ней продираясь сквозь заросли бурьяна. Марья устало прищурилась, обрадованно побежала навстречу.

Крепкие руки взяли её в кольцо пылко прижимая к себе.

От ужаса Марья закричала, то был бы не Макара, а её наречённый жених.

Ткань платья затрещала, не позволяя девушке скрыться в чаще. Марья без разбору била и колотила кулаками в грудь близкого человека, в одночасье ставшего ненавистным. Постепенно силы оставили её, и девушка повисла в руках Степана, словно куль с мукой.

Веди домой беглянку после с ней поговорим! — прозвучал суровый голос отца.

Мужчина споро поднял обомлевшую от страха и отчаянья Марью на руки и зашагал в деревню.

— Прости меня дружок мой, но так лучше, о тебе же беспокоилась! — Вслед за ними бежала растрёпанная Агафья, на ходу размазывая слёзы по впалым щекам.

Марья безучастно глядела, как новый день озаряет землю. Как проявляются краски и становятся видимыми каждая крохотная травинка и камушек на дороге.

Уже звонили к заутрене и под мерные звуки благовеста, Марья чувствовала, как капля за каплей утекает из неё прежняя счастливая жизнь.

Для остальных выльцев этот звон был призывом к молитве, но для неё стал роковым отсчётом вечности в личном аду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.